Сказка Н. Ф. Шешнева.

Родной сынъ предшествующаго сказочника, живущій съ нимъ въ одномъ домѣ на Теченскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда, Никифоръ Филипповичъ Шешневъ (лѣтъ 25—30) сказокъ вообще не знаетъ и никогда никому ихъ не разсказываетъ. Но, слушая, какъ отецъ его разсказывалъ мнѣ сказки для записи и получалъ за то приличный гонораръ, — и онъ вызвался разсказать мнѣ одну сказку, которую, будто бы, „самъ выдумалъ". (Въ дѣйствительности, сказка эта традиціонная и, конечно, гдѣ-нибудь Никифоромъ была выслушана). — Привожу здѣсь эту сказку, разсказанную вообще не совсѣмъ удачно, какъ образчикъ современныхъ народныхъ сказокъ въ устахъ случайныхъ сказочниковъ не-спеціалистовъ.

---

47. [Ловкій воръ].

1. Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ не сына, не дóчери. Старухѣ стало трудно одной жить: дескать, помóги нѣтъ ей. Старуха говоритъ: „дѣдъ, идите наймúте работника, хоть помогать мнѣ: не могу я дровъ ташшыть, не могу ничево дѣлать тамъ".

Старикъ пошолъ на базаръ нанимать работника: „Не пойдётъ ли, ребята, хто ко мнѣ въ работники?"—Тутъ одинъ стоúтъ старикъ и говоритъ, што „я пойду, дѣдушко, хоть изъ-за хлѣба жить къ тебѣ".—Нанялъ старикъ работника; звать ево Иваномъ.—„Вотъ тебѣ, старуха, работникъ! будетъ помогать".

2. Съ этѣмъ со старикомъ имѣлъ купецъ дружбу. И вотъ, старикъ пошолъ въ гости *къ* купцу. Сидѣли онѣ до 12-ти часовъ ночи и выдумали они со старикомъ побúтца въ томъ, што—купецъ заявляетъ, што „тебѣ у меня лошадь не укрась", а старикъ говоритъ, што „я украдý".— И побúлись онѣ съ нимъ объ двѣсти рублей.

3. Приходитъ старикъ домой, задýмался и загорю́нился.— „Дѣдъ, ты чево́ не весе́лой?“ — „Ну, старуха, мнѣ бѣда!“— „Кака жо тебѣ бѣда?...“ А Иванъ слушаетъ. — „Дѣдко, ложись спать! утромъ всё готово будетъ!“ Иванъ говоритъ.

Приходитъ Иванъ *къ* купцу. Воро́та были отво́рены, а тутъ былъ караулъ сильной (у купца, караулили вора-та). Поставили ему четверть вина. Онѣ ету четверть выпили, опьянѣли и свалились. Иванъ поймалъ лошедь и повёлъ. Приводитъ къ старику. Старикъ радёхонекъ, што Иванъ лошедь укралъ: 200 рублей зарабо́тали.

Купецъ утромъ сталъ, спрашиватъ: „hдѣ лошадь?“ — Лошади нѣту. Отказалъ своимъ всѣмъ караульнымъ.

4. Старику поглянулась ета за́работка. — „Дай, я ешо пойду къ купцу!“ — Приходитъ старикъ къ купцу. — „Ну, дѣдко, мнѣ *бѣдно*!“ — „Што жо тебѣ *бѣ́дно*?... Ну, купецъ, если тебѣ *бѣ́дно*, давай побьёмся ишо!“ — „А въ чёмъ станемъ битца?... А вотъ въ чёмъ: если ты изъ-подъ моёй бабы постелю ута́шшышь, тоhда двѣсти рублей твои“.

Старикъ приходитъ домой—задумался, загорю́нился. Старуха старику: „што ты, дѣдко, задумался?“ — „Какъ жо мнѣ не думать?...“ — Иванъ говоритъ: „дѣдушко, не думай! къ утрему всё готово будетъ!“

5. Отправился Иванъ утромъ къ купцу. Зашолъ онъ на дворъ, а потомъ въ чуланчикъ забра́лся. А у этова купца тоже былъ работникъ Иванъ. Онъ въ этѣмъ чуланчикѣ нашолъ *опа́ру*. Потомъ нашолъ постелю — hдѣ спитъ купецъ съ барынёй; Иванъ взялъ, ету опа́ру вылилъ прямо *имя́* въ серёдки. (Они спятъ).

„Ба́роня, што съ вами сдѣлалось? — говоритъ купецъ: — надо скричать Ивана, штобы онъ постелю уташшылъ у насъ!“ (йхнева работника). „Иванъ!“—А этотъ тутъ и былъ, стариков'отъ работникъ (а тотъ спитъ, и ротъ разы́нулъ).— „Што?“ говоритъ...—Уташшылъ постелю.

Купецъ утромъ встаётъ, сади́цца чай пить. Спрашиваетъ свою бароню: „што съ вами сдѣлалось севодни ночью?“ — „Я не знаю!“ — „А постеля-та гдѣ?.. Иванъ! гдѣ постеля?“—Иванъ говоритъ, што „я никакой постели не видалъ!“ — „Какъ, — говоритъ: — не видалъ?“ — „Вы, — говоритъ: — унесли ие!“ — Поискали, поискали, нѣтъ негдѣ. — „Навѣрно, стариковъ работникъ унёсъ! Ванька!“

Купецъ пошолъ къ старику. — „Постеля моя у васъ?“— „У насъ!“—„Што ето за такой Ванька?!“

6. „Давай,—говоритъ:—ешо побьёмся, дѣдко! послѣднёй разъ!“ — „А объ чёмъ станемъ мы битца съ тобой, купецъ?“ — „А если онъ у моёй жены колѣчко украдётъ съ руки, то тебѣ 400 цолковыхъ! (тоѣда будётъ 800 рублей у тебя!)“.—Старикъ задумался... Иванъ говоритъ: „дѣдко, не думай! Къ ýтрему будетъ всё готово!“

„Дай мнѣ, дѣдъ, три рубля денегъ!“—„Нашто?“—„Мнѣ купить *мертвяка*!“ — Подбѣгаетъ Иванъ къ цéрквѣ, стучитца: — „Дѣдко, отвори!“ — Тотъ спрашиваетъ: „для чево? зачѣмъ?“ — „Продай мнѣ покойника!“ — Старикъ: „Што ты? Бохъ съ тобой! съ умомъ ли?“ — „Возьми вотъ два рубли денегъ! давай отроемъ!“—Старикъ согласился за три рубли покойника отрыть. А покойникъ (зимой дѣло-то было ето) сты́лой.

Купецъ сидитъ у око́шка въ своемъ домѣ, караулитъ Ивана съ лево́рвертомъ. А Иванъ подходитъ съ этимъ съ покойникомъ и въ окошко этимъ покойникомъ ка̀жетъ.— „Ба̀роня!—говоритъ [купецъ]:—Ванька въ окошко лѣзётъ! Сейчасъ я ево стрѣлять стану“.—Выстрѣлъ далъ, Иванъ покойника опустилъ. И говоритъ купецъ, што „я, — говоритъ: — бароня, Ивана застрѣлилъ!“ — А Иванъ отбѣжалъ за̀ уголъ и стои́тъ.—„Я,—говоритъ:—теперь, бароня, пойду, понесу Ивана куда-нибудь въ яму“.

7. Понёсъ, а Иванъ въ ко́мнату. Пришолъ въ комнату и лёгъ на постелю. (Она ево за своёва супруга признала).— „Ну,—говоритъ:—ба́роня, снёсъ, схоронилъ! А ѣдѣ у васъ тепе́ря колечко-то? Давайте сюда ево! я ево спрячу: кабы онъ тамъ не отдохну́лъ, сюда бы не пришолъ?“—Она отдала́.— „Я теперь пойду на дво́ръ!“ говоритъ.—Ему убратца совсѣмъ охо́та.

По отходѣ Ивана приходитъ купецъ.—„Ну, барыня, *уходи́лъ* я ево!“—А она думаетъ: „што онъ опять старое повторяетъ?“

Утромъ купецъ съ барынёй стаётъ, сади́тца чай пить.— „Ну,—говоритъ:—бароня, *уходи́ли* мы ево, слава Бо̀ѣу!.. А колечко-то гдѣ?“—„Я вамъ, баринъ, отдала́!“—„Што́ вы? вы не по́мните сами себя! я у васъ не бралъ!“—„Да какъ жо? вы у меня взяли!“ — „Некакъ нѣтъ! не бралъ!.. Ужли́, — гово-

ритъ:—Ванька съ вами лежалъ?.. Нѣтъ!—говоритъ:—погоди! я схожу къ старику!"

8. Пришолъ, говоритъ: „Дѣдъ, у васъ моё кольцо?"—„У меня!"—„Ахъ! чортъ ево возьми! Што у тебя за работникъ Ванька!.. Дѣдъ, отдай ты мнѣ ево въ работники, а своёму я откажу́!" (Ему *бѣдно*, што онъ съ ево женой лежалъ; онъ ево *уходи́ть* хочетъ).—„Возьми!"

Взялъ Ивана старикова себѣ въ работники, а своёму отказа́лъ.—„Если онъ неладно запрягётъ лошадей, то я ево сейчасъ сразу убью!"—Ивана стря́пка кущо́ва любила; она ему расказала, какихъ запряга́ть лошадей, какую надѣть *снась*. Иванъ по́нялъ всё. Баринъ приказалъ Ивану лошадей запрягать. Иванъ запрёгъ. Баринъ: „Ахъ, всё пра́вильно запрёгъ!—говоритъ:—*Пододра́цца* ни къ чему нельзя!"

9. Стряпка Ивану говоритъ: „Иванъ, возьми калачикъ на дорогу, а то ѣсь захо́чешь!"—А баринъ поѣхалъ безъ хлѣба. Проѣзжаютъ онѣ вёрстъ 20. Кони у ихъ приста́ли. Иванъ говоритъ, што „надо лошадей покорми́ть!"—„А гдѣ кормить станёмъ?"—„А вотъ здѣсь,—говоритъ: — покосъ и *зарóдъ*".—„А насъ нихто здѣсь не поймаетъ?"—„Нѣтъ".

Выпрегли лошадей; далъ *имя́* сѣнца. А Иванъ взялъ, залѣзъ въ мѣшокъ, рыломъ лёгъ къ *зарóду*, ѣсъ кала́чъ. Баринъ спрашиватъ: „Ты што́, Иванъ, ѣшь?"—„А сѣнно́й калачъ заверну́лъ да и ѣмъ!"—„И я ѣсь хочу! Давай, говоритъ:—мнѣ заверни́ небольшой калачикъ изъ сѣнца!"—Подаётъ ему.—„Какъ я ѣсь стану ево?"—„Я,—говоритъ:—ѣмъ!"

10. „Ѣсь-то,—говоритъ:—туда-сюда! дакъ я замёрсъ!"—„А я лежу́ въ мѣшкѣ, тепло́ мнѣ!" — „Иванъ! если тамъ тепло́, то посади́ меня въ мѣшокъ!" — „Садись!.. А если ишо завязать, ишо теплѣе!" — Завязалъ Иванъ мѣшокъ съ бариномъ, а самъ съ вёрсту отбѣжа́лъ, бѣжитъ ругаетца: „Хто моё сѣно ко́рмитъ?" — Подбѣжалъ къ барину и давай ево *хлы́стикомъ дубасить*. Отдуба́силъ и отбѣжа́лъ недалёко.

Баринъ кричитъ: „Ванька, Ванька! поло́жь меня скорѣе въ пово́зку! Согрѣлся, до́ крови согрѣлся!.. А ты какъ?"—„Я наси́лу убѣжалъ!"

11. Бросилъ онъ ево въ повозку и погна́ли.—„Ты вези меня къ тёшшѣ!.. Я,—говоритъ:—буду говорить по-нѣмецки

(коѣда къ тёшщѣ пріѣду)“, а Ивану велѣлъ говорить полатынски.

Пріѣхали къ тёшшѣ. Баринъ велѣлъ работнику, штобы долóжилъ—самоваръ постáвили. (А баринъ страшно ѣсь хотѣ́лъ). Вмѣсто самовáру они истопи́ли баню. Баринъ осердился, съ работникомъ угна́лъ домой.
